B161
218

3161/218
№49251.
XV—№220
3161/218
Брош. II 1914.

Война.

Н. А. ТУРГЕНЕВЪ.

ПОБѢДНОЕ ШЕСТВІЕ ФРИЦА и КАРЛА ОТЪ КРУЖКИ ПИВА ВЪ... РУССКІЙ ПЛѢНЪ

ПЕТРОГРАДЪ
Изданіе М. К. ИВАНОВСКАГО
Ср. Подъяческая, д. № 5.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. П. А. ФЕДОТОВА, Ср. Подъяческая, 5.
1914.

B161
218

Н. А. ТУРГЕНЕВЪ.

ВОЙНА.

Побѣдное Шествіе ФРИЦА и КАРЛА отъ кружки пива въ... РУССКІЙ ПЛѢНЪ

ИЗДАНІЕ
М. К. ИВАНОВСКАГО
Петроградъ, Ср. Подъяческая, д. № 5.

ПЕТРОГРАДЪ,
Типографія П. А. ФЕДОТОВА, Ср. Подъяческая, 5.
1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
622575

ВОЙНА.

ПОБѢДНОЕ ШЕСТВІЕ ФРИЦА и КАРЛА

отъ КРУЖКИ ПИВА въ... РУССКІЙ ПЛѢНЪ.

Фрицъ Гольдштейнъ служитъ въ „доблестной“ германской арміи, и потому онъ, конечно, „храбрый и доблестный“ офицеръ. И его другъ, Карлъ Фишманъ, тоже „доблестный и храбрый“ германскій офицеръ, потому что и всѣ офицеры въ германской арміи—„доблестные“ офицеры; а германская армія—первая армія въ мірѣ.

О это истина, не требующая доказательствъ! И Фрицъ отлично это знаетъ. Кромѣ того, и Фрицъ Гольдштейнъ и Карлъ Фишманъ—природные прусскіе юнкера; а прусскіе юнкера, это—самые крѣпкіе, самые надежные камни въ фундаментѣ, на которомъ зиждется величіе, слава и могущество кайзера; а слава и величіе кайзера—слава и величіе фатерланда; а потому Фрицъ и Карлъ знаютъ себѣ цѣну.

— „Пруссія, это — я“, говоритъ кайзеръ,—закуривая сигару и перекладывая одну ногу на другую, произноситъ многозначительно Фрицъ.—И онъ правъ, тысячу разъ правъ! На Пруссіи, какъ на общемъ центрѣ, вращается весь фатерландъ,—поясняетъ Фрицъ жестомъ, какъ вращается фатерландъ.

— Къ голосамъ изъ Пруссіи прислушивается вся Европа!—вторитъ ему Карлъ, опоражнивая кружку пива.—Ни одинъ международный вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ согласія кайзера!

— А почему?—задаетъ громогласно вопросъ Фрицъ, и послѣ паузы, отвѣчаетъ:—Потому что мы, нѣмцы, кромѣ Бога, никого не боимся! Никто намъ не страшенъ.

И Фрицъ, осушивъ залпомъ кружку пива, стучитъ ею грозно о столъ.

— А почему мы, нѣмцы, никого не боимся? Потому что мы сильны. Нѣтъ страны въ мірѣ, которая помѣрялась бы съ нами въ силѣ! И потому-то, Фрицъ, мы боимся одного Бога.

— Но это, другъ мой Фишманъ, фраза! только фраза!

Карлъ выпучилъ глаза, уже достаточно налитые пивомъ, и съ минуту глядѣлъ на своего друга съ выраженіемъ полнаго недоумѣнія на лицѣ. Ужасно страннымъ и непонятнымъ казалось ему, что Фрицъ усомнился, и притомъ вдругъ, неожиданно, въ такой непреложной истинѣ, какъ „мы, нѣмцы, боимся одного Бога“.

— Да, фраза!.. Что ты такъ смотришь?.. Мы никого и ничего не боимся!—пояснилъ Фрицъ.

— Позволь!—запротестовалъ Карлъ.—Какъ же такъ фраза?

— Фраза, и только фраза!—повторялъ упрямо Фрицъ.— Что такое была великая и могущественная Пруссія 150 лѣтъ назадъ?

— Маленькій Бранденбургъ.

— Маленькій Бранденбургъ! Да; а теперь—великая страна. Бранденбургъ зависѣлъ отъ Польши; а теперь польскій народъ—наши рабы. Вѣдь рабы? Да?

— Рабы... И всѣ славяне рабы... должны быть нашими рабами!.. Но ты отвлекся отъ темы, Фрицъ.

— Подожди, я вернусь къ ней. Ты совершенно вѣрно замѣтилъ, что всѣ славяне должны быть нашими рабами. Или они должны быть уничтожены всѣ до послѣдняго человѣка!.. Амальхенъ! Подай еще пива.

Амальхенъ, чистенькая, розовенькая, точно новорожденный поросеночекъ, въ безукоризненномъ бѣльѣ и чепцѣ, съ грошевыми блестящими украшеніями вездѣ, гдѣ ихъ принято нацѣплять, съ лицомъ скромнѣйшей камеристки и съ душею кандидатки въ проститутки—подала пиво и присѣдая, съ очаровательною улыбкой, удалилась неслышно.

Поручикъ Фрицъ Гольдштейнъ и поручикъ Карлъ Фишманъ, дѣлая видъ, что они и вниманія на нее не обращаютъ, въ то же время незамѣтно пожирали ее глазами съ самою нахальною плотоядностью. Выпивъ по кружкѣ свѣжаго пива, они продолжали:

— Славяне должны уступить намъ свое мѣсто въ Европѣ, Карлъ, и это должно стать лозунгомъ каждаго германца, каждаго подданнаго кайзера. У насъ недостатокъ въ землѣ; а въ Россіи есть помѣщики, площадь владѣній которыхъ болѣе иного германскаго княжества! Какъ это тебѣ нравится, а?

— И эта земля должна стать нашей, прусской!—вскричалъ Карлъ.

— Да, она должна быть нашей, и мы возьмемъ ее у этихъ русскихъ варваровъ. Мы овладѣемъ ихъ землями, потому что онѣ намъ нужны, и потому что мы сильны. Германія сильнѣйшая и образованнѣйшая страна въ Европѣ; это извѣстно всему міру. И чтобы мы, нѣмцы, стали еще терпѣть этихъ русскихъ собакъ! О-о! Великій канцлеръ князь Бисмаркъ зналъ, что дѣлалъ, объединяя Германію. На насъ, другъ мой Карлъ, лежитъ обязанность осуществить его завѣтъ.

— О, князь Бисмаркъ былъ великій человѣкъ! Геніальный человѣкъ былъ великій канцлеръ!—подобно эхо отозвался Карлъ и выпилъ кружку пива.

— Да, великій человѣкъ. Объединивъ Германію, онъ не остановился на этомъ, а создалъ тройственный союзъ, — удвоилъ мощь Германіи. Кто посмѣетъ вступить въ борьбу съ тройственнымъ союзомъ, другъ мой Карлъ?!.. „Deutschland, Deutschland“...—запѣлъ вдругъ Фрицъ нескладнымъ пьянымъ голосомъ.

Карлъ попытался ему подтягивать, но у него ничего не вышло; и онъ бросилъ, проговоривъ:

— А я все-таки желаю возвратиться къ нашей темѣ, которую ты почему-то все игнорируешь!

— А я, Карлъ, не понимаю, что далась тебѣ эта тема?

— Какъ не понимаешь? Это же такъ ясно. „Мы, нѣмцы, боимся одного Бога!“ — говорю я, говорятъ всѣ подданные кайзера, гдѣ бы они ни находились; а ты, одинъ лишь ты говоришь. что это—фраза. Объясни: что это значитъ? Или ты не прусскій юнкеръ? Или ты сомнѣваешься въ могуще-

ствѣ фатерланда?—уже вызывающе, все возвышая голосъ, вопрошалъ Карлъ.

— Да, это—фраза,—снова упрямо повторилъ Фрицъ.—А не фраза будетъ: „мы, нѣмцы, никого не боимся“!—захохоталъ онъ, довольный своей плоской шуткой.

Засмѣялся было и Карлъ; но, вдругъ оборвавъ смѣхъ, онъ проговорилъ:

— Никого... И Бога?

— И Бога.

— Но, Фрицъ, что на это скажетъ пасторъ?

— Ничего не скажетъ; пасторъ самъ атеистъ. Да я и не пойду къ нему съ этимъ заявленіемъ.

И Фрицъ снова захохоталъ не зная самъ чему.

Покончивъ, наконецъ, съ пивомъ, Фрицъ и Карлъ, гордо поднявъ головы, закрутивъ кверху усы въ подражаніе кайзеру и отчаянно звякая своими палашами и шпорами, надутые и пивомъ и чванствомъ, какъ индюки, пошли гулять по всѣмъ лучшимъ штрассе Берлина. При этомъ Карлъ считалъ своимъ долгомъ заглянуть нагло подъ шляпку каждой мало-мальски молоденькой дамѣ; а Фрицъ, не удѣляя вниманія дамамъ, наровилъ толкнуть кого либо изъ встрѣчныхъ, въ комъ можно было подозрѣвать иностранца.

Вообще же Фрицъ Гольдштейнъ и Карлъ Фишманъ во многомъ походили другъ на друга, но была между ними нѣкоторая и разница. Такъ, въ то время, какъ Фрицъ терпѣть не могъ какое бы то ни было чтеніе, кромѣ обязательнаго зазубриванія уставовъ, инструкцій и всевозможныхъ правилъ,—Карлъ, напротивъ, любилъ почитать надосугѣ, но только такія литературныя произведенія, которыя пережe-

вываютъ порнографическіе сюжеты; всю остальную литературу онъ называлъ кратко и просто ерундой.

Если въ печати поднимался о чемъ-нибудь шумъ, и по поводу этого шума обращались къ Фрицу съ вопросомъ, онъ отрѣзывалъ коротко:

— Я газетъ не читаю.

— Но этотъ фактъ всѣхъ такъ интересуетъ; онъ долженъ бы интересовать и васъ.

Меня? Какимъ это образомъ?—изумлялся Фрицъ.—Меня могутъ интересовать только приказы кайзера о производствѣ. А на чтеніе всякой газетной ерунды я не желаю тратить золотое время; предпочитаю провести его за кружкою добраго нѣмецкаго пива, въ легкой, непринужденной болтовнѣ съ какою-нибудь хорошенькою Амальхенъ.

Былъ жаркій, удушливо знойный іюльскій день 1914 г., когда Фрицъ, изнывая отъ жары, зашелъ въ клубъ освѣжиться кружкою пива. Карлъ былъ уже тамъ. Едва завидѣвъ своего друга, онъ закричалъ ему:

— Сюда, сюда!

Фрицъ подошелъ и сѣлъ, приказавъ Амальхенъ подать пива. Кругомъ стоялъ оживленный говоръ; всѣ посѣтители были возбуждены.

— Слышалъ важную новость?—спросилъ Карлъ.

— Какую именно?—въ свою очередь спросилъ Фрицъ.—Скажи, если интересна.

— Это такая новость, о которой говоритъ весь Берлинъ!

— Она можетъ интересовать даже весь фатерландъ, и не заинтересовать меня... Въ чемъ же дѣло?

Карлъ, вмѣсто отвѣта, протянулъ было Фрицу газету; но Фрицъ досадливо отпихнулъ ее.

— Что жъ ты, не можешь передать на словахъ свою новость?

— Австрія объявила войну Сербіи...—сказалъ Карлъ и посмотрѣлъ многозначительно Фрицу въ глаза.

— Австрія, Сербіи... Мало интереснаго для насъ.

— Вотъ тебѣ разъ!—вскричалъ Карлъ. Послушай, Фрицъ, ты или плохо выспался, или набилъ себѣ голову бабьемъ до того, что ни для чего другого тамъ и мѣста болѣе нѣтъ.

— Можетъ ли меня интересовать война Австріи съ какою-то ничтожною Сербіей, когда я горю нетерпѣніемъ сразиться съ Франціей и Россіей!—патетически воскликнулъ Фрицъ.

— Ну, я вижу, тебѣ, Фрицъ, необходимо объяснять... ты, извини меня... объяснять то, что знаетъ каждый мальчикъ!

— А я тебѣ говорю, Карлъ, что я понимаю только войну тройственнаго союза съ Франціей и Россіей; а если Англія не захочетъ оставаться нейтральной, то и съ Англіей. Компромиссовъ и варіантовъ я не признаю. И каждый уважающій себя офицеръ нашей доблестной арміи не долженъ ихъ признавать.

— Ахъ, да не о компромиссѣ тутъ рѣчь! Какъ ты не поймешь самой простой вещи!

— Ужъ будто! Я знаю одну хорошо извѣстную вещь; это—планъ нашего генеральнаго штаба: наша армія, подобно молніи изъ тучи, обрушивается на Францію, разбиваетъ ея армію, занимаетъ всѣ ея крѣпости на нашей границѣ; осаждаетъ и беретъ Парижъ; кайзеръ побѣдителемъ, подобно древ-

нимъ римскимъ полководцамъ, вступаетъ съ тріумфомъ въ Парижъ; его—хочешь не хочешь—привѣтствуютъ. Я, само собой, сопровождаю кайзера при его торжественномъ въѣздѣ въ столицу побѣжденнаго врага... Француженки осыпаютъ насъ цвѣтами; восхищаются нашею красотой и храбростью!.. Затѣмъ наша армія, такъ же быстро, подобно молніи изъ тучи, перебрасывается на востокъ для дѣйствій противъ Россіи...

Все это Фрицъ проговорилъ торопливо, почти захлебываясь и точно опасаясь, что его перебьютъ и не дадутъ ему досказать.

И я, Фрицъ, знаю этотъ планъ, и каждый офицеръ нашей доблестной арміи знаетъ этотъ планъ. Никто не сомнѣвается и въ томъ, что онъ будетъ исполненъ такъ же точно, какъ хорошо разученная пьеса по нотамъ. А война нашей союзницы, Австріи, съ Сербіей, это только прелюдія. Чего мы должны теперь ожидать? А вотъ чего. За Сербію несомнѣнно вступится Россія и объявитъ войну Австріи; тогда мы, по договору, объявляемъ войну Россіи; Франція—намъ. Италія—Франціи и, конечно, Россіи. Понятно?

— Ура!—заоралъ вдругъ Фрицъ, такъ-что нѣкоторые пожилые офицеры покосились недовольно въ его сторону.— Значитъ, война, о которой я такъ долго и страстно мечталъ, началась!.. Воображаю, какъ ея началомъ доволенъ самъ кайзеръ!..

— Полагаю. Вѣдь эта война—мечта всей его жизни; она создастъ ему неувядаемую славу великаго полководца, безсмертіе! Она подниметъ фатерландъ на неслыханную высоту первой міровой державы! Имя кайзера впишется золотыми буквами на страницы исторіи и затмитъ имена Фридриха Великаго и великаго канцлера!

— Затмитъ! Развѣ можетъ быть въ этомъ сомнѣніе! О немъ и о нашей доблестной арміи съ глубокимъ уваженіемъ заговоритъ весь міръ. Слава о немъ раскатомъ грома прокатится по всей вселенной... Но, другъ мой Карлъ, что ты думаешь объ Англіи?

— Что я думаю объ Англіи? То же, что о ней думаютъ наши лучшіе дипломаты. Англія въ этой войнѣ должна остаться и останется нейтральной; во-первыхъ, потому, что она вообще не любитъ воевать; во-вторыхъ, у нея нѣтъ арміи, и ее надо еще создать; въ-третьихъ, она опасается за колоніи.

— Да, Англія останется нейтральной, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія,—подтвердилъ Фрицъ.

И подогрѣтые и оживленные и собственными словами и добрымъ нѣмецкимъ пивомъ, храбрые поручики доблестной нѣмецкой арміи Фрицъ Гольдштейнъ и Карлъ Фишманъ, безпрепятственно и побѣдоносно, подобно молніи изъ тучи шествовали отъ одного французскаго города къ другому, отъ крѣпости къ крѣпости, отъ побѣды къ побѣдѣ, предвкушая всю сладость занятія Парижа и вступленія въ него съ тріумфаторомъ-кайзеромъ во главѣ...

Но... безъ „но“ не обходится ни большое, ни маленькое человѣческое дѣяніе, ни даже созданное воображеніемъ самонадѣяннаго тевтона грандіозное предпріятіе; таковъ, говорятъ, капризъ судьбы. Но капризъ или не капризъ, а до побѣднаго шествія къ Парижу, Фрицъ и Карлъ вынуждены были заняться не воинственнымъ, скучнымъ, но неотложнымъ дѣломъ,—поддержаніемъ порядка въ Берлинѣ во время мобилизаціи. Пришлось цѣлые дни, съ утра до вечера, возиться съ пьяными запасными солдатами и бюргерами;

содѣйствовать выселенію иностранцевъ. И только на этомъ послѣднемъ занятіи они и могли отвести душу. Имъ даже выпить кружку другую пива удавалось только урывками, на ходу, не присаживаясь къ столику. Въ биргалкахъ такъ много было народу, что невозможно было войти.

И храбрые офицеры доблестной германской арміи, пока что, мирились съ тѣмъ, что срывали свою злость на бѣжавшихъ съ курортовъ больныхъ, туристахъ, старикахъ, женщинахъ, дѣтяхъ. По пословицѣ—„на безрыбьи и ракъ—рыба“,—не удается преслѣдовать отступающихъ въ безпорядкѣ вооруженныхъ противниковъ, такъ и безоружные хороши, благо бѣгутъ, а не нападаютъ. И надо отдать имъ справедливость, ни Фрицъ, ни Карлъ не ударили въ грязь лицомъ. Ихъ изобрѣтательности по части издѣвательствъ и глумленія надъ беззащитными людьми не было предѣловъ, и имъ позавидовали бы, пожалуй, палачи инквизиціи. И съ какимъ злорадствомъ, съ какимъ удовольствіемъ любовались они на отчаяніе, истерики, плачъ и безплодныя мольбы о пощадѣ ихъ жертвъ!

— Пусть содрогнется весь этотъ варварскій міръ, узнавъ, какъ умѣютъ постоять за себя нѣмцы! — говорилъ, потирая руки отъ удовольствія, Фрицъ. — Волосы должны стать дыбомъ даже у тѣхъ собакъ французовъ и собакъ русскихъ, которые у себя тамъ услышатъ о принятыхъ противъ нихъ мѣрахъ.

Онъ предпочиталъ заниматься болѣе заточеніемъ варваровъ иностранцевъ въ казематы, запугивать ихъ побоями и обѣщаніемъ разстрѣла, чтобы смотрѣть потомъ, какъ они блѣднѣютъ отъ страха; а Карлъ — раздѣваніе дамъ для обыска, ночные набѣги въ гостиницы для ареста остановив-

шихся въ нихъ семействъ, чтобы, захвативъ ихъ въ постели выводить ихъ неодѣтыми на улицу и держать ихъ тамъ, безъ надобности часами... Ихъ мало смущало, что, если вмѣсто русскаго или француза, имъ попадалъ въ руки другой какой иностранецъ. Но они строго различали людей по ихъ соціальному и матеріальному положенію: тѣмъ, кто попроще, тычокъ, толчокъ въ шею, ругательное слово—и будь доволенъ; всѣхъ прочихъ они заставляли испытывать болѣе утонченныя пытки, болѣе длительный ужасъ.

Вечеромъ они за кружкою пива дѣлились впечатлѣніями дня и громко хохотали, разсказывая другъ другу о болѣе выдающихся случаяхъ своего изувѣрства.

— Но, Карлъ, мнѣ, признаться, все это начинаетъ надоѣдать,—замѣтилъ разъ Фрицъ.—Пора намъ и въ дѣйствующую армію.

— Да, пора, Фрицъ, въ дѣйствующую армію. Иначе мы можемъ остаться при пиковомъ интересѣ.

Ихъ скоро отправили въ армію. И Фрицъ и Карлъ не ѣхали, а летѣли туда, на границу ненавистной Франціи, гдѣ ихъ ждали возможность проявить свои боевыя достоинства, успѣхъ, слава...Но, занявшись усердно изгнаніемъ иностранцевъ изъ фатерланда, ни Фрицъ, ни Карлъ не знали, что происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій, да они и не очень интересовались это узнавать, увѣренные, что ихъ „доблестная“ армія одерживаетъ побѣду за побѣдой.

Поѣздъ, въ которомъ ѣхали Фрицъ и Карлъ, подошелъ опасливо къ небольшой станціи на границѣ Бельгіи; они вышли изъ вагона и попытались узнать, долго ли имъ предстоитъ тутъ стоять. Капитанъ Дорфмейеръ, къ которому они обратились съ вопросомъ, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ

имъ въ лица: не съ луны ли свалились люди—и объяснилъ унылымъ голосомъ, что тутъ высадка.

— На кой чортъ мы будемъ высаживаться въ Бельгіи, когда намъ путь лежитъ во Францію! —съ досадою вскричалъ Фрицъ.—Не съ Бельгіей, надѣюсь, воевать мы ѣхали...

— Прежде чѣмъ попасть во Францію,—глухо и не глядя въ глаза спрашивавшимъ, сказалъ Дорфмейеръ—намъ надо еще сломить сопротивленіе Бельгіи...

— Сопротивленіе? Бельгіи?! Да что вы говорите, капитанъ? Да развѣ можетъ намъ сопротивляться какая-то Бельгія?! Кого, скажите, возьметъ охота считаться съ ничтожной Бельгіей?—перебивая другъ друга, кричали Фрицъ и Карлъ.

—Однако, она противодѣйствуетъ, и противодѣйствуетъ очень энергично. Ихъ крѣпость Льежъ до сихъ поръ упорно держится.

Фрицъ и Карлъ изумленно смотрѣли въ глаза капитана, казалось, ничего не понимали.

— Армія фонъ-Эммиха несетъ очень большія потери.. Я не понимаю, какъ вы этого не знаете.

— Потери.. Но почему? Что все это значитъ, капитанъ?

—Поспѣшили; не будучи сами готовы, думали напасть на противника врасплохъ. Двинулись чрезъ Бельгію, полагая, что она не посмѣетъ не пропустить нашу армію; а осада Льежа оказалась далеко не тѣмъ, чѣмъ мы представляли ее себѣ.

— Доннеръ-веттеръ!— вскричалъ бѣшено Фрицъ.— Тысяча чертей и одна вѣдьма этимъ варварамъ бельгійцамъ!

— И Льежъ до сихъ поръ не уничтоженъ?—спросилъ Карлъ.

Капитанъ Дорфмейеръ не сталъ болѣе выслушивать негодованія своихъ юныхъ коллегъ, рвавшихся неудержимо побѣждать, а не терпѣть пораженія; приложивъ два пальца къ козырьку фуражки, онъ повернулся и ушелъ.

— Чортъ возьми! Намъ, значитъ предстоитъ тутъ прозябать, можетъ быть, недѣлю и двѣ...—кипѣлъ негодованіемъ Фрицъ.

— Быть можетъ, Дорфмейеръ преувеличиваетъ по обыкновенію,—попытался утѣшать друга Карлъ.—Онъ извѣстный пессимистъ.

— И все-таки мы въ Бельгіи, а не во Франціи!

— А я говорю, что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сопротивленіе Бельгіи считать за что-то серьезное. Или мы болѣе не нѣмцы! О-о!..

— Эта диверсія не входила въ планъ генеральнаго штаба... .

Но такъ какъ съ фактами приходится считаться всѣмъ, и даже храбрымъ воинамъ доблестной германской арміи, несмотря на ихъ нежеланіе считаться съ чѣмъ бы то ни было, то Фрицъ и Карлъ, вынужденные отсиживаться въ Бельгіи, не нашли ничего болѣе благоразумнымъ и цѣлесообразнымъ, какъ отправиться въ биргалку и отвести душу за кружкою пива.

Однако, вызванное сопротивленіемъ Бельгіи разочарованіе было не послѣднимъ. Биргалка, въ которую пошли Фрицъ и Карлъ, была биткомъ-набита народомъ, и въ ней стоялъ такой шумъ, такой гвалтъ, что нашимъ героямъ не удалось присѣсть и за шумомъ невозможно было побе-

сѣдовать другъ съ другомъ. Неудобство это было, конечно, поставлено на счетъ варварамъ бельгійцамъ, и Фрицъ тутъ же поклялся жестоко отомстить имъ за него.

Изъ общей массы голосовъ, и такъ уже разъяренные постигшими ихъ неудачами, Фрицъ и Карлъ выдѣлили еще новость, которая еще менѣе гармонировала съ ихъ стремленіемъ побѣждать и казалась еще менѣе вѣроятной, чѣмъ сопротивленіе Бельгіи, чѣмъ самый Льежъ. Оказывалось, что Англія... О, эта вѣроломная и коварная Англія!.. и не думала соблюдать строго нейтралитетъ! Напротивъ, она рѣшила съ особеннымъ удовольствіемъ поколотить доблестную германскую армію!

— Это неправда, другъ мой Фрицъ,—попробовалъ усомниться Карлъ.

Фрицъ, угрюмо насупясь, молчалъ и даже до пива не дотрагивался.

— Откуда они знаютъ—указалъ Карлъ на наполнявшихъ биргалку людей,—что Англія не хочетъ оставаться нейтральной! Не откуда болѣе, какъ изъ газетъ. И изъ газетъ бельгійскихъ, датскихъ, а быть можетъ и изъ французскихъ; но ужъ никакъ не изъ нашихъ!

— Ага! Не правъ ли я, что не люблю газетъ! И это извѣстіе значитъ утка! Утка это и утка! Англія, я увѣренъ, останется нейтральной.

— Чорта два останется!—проговорилъ, подойдя къ Фрицу и Карлу, худой, длинный поручикъ съ желтымъ лицомъ.—Англія только того и ждала, чтобы, принявъ участіе въ этой войнѣ, унизить насъ.

— Но вѣдь это только ваше мнѣніе...

— Какое тутъ вамъ мнѣніе, если это фактъ!

Закипѣлъ горячій споръ,—тотъ ожесточенный споръ, когда не доводами, не логикою, а однимъ крикомъ стремятся противники одержать верхъ, когда здравый смыслъ уступчиво молчитъ.

— Англія не могла и не должна нарушать нейтралитетъ!—горячился Фрицъ.

— И однакожъ, фактъ, что не сегодня—завтра она объявитъ намъ войну!—возражалъ желтый поручикъ.

— Но вѣдь это коварство! Неправда ли, другъ моій Карлъ?

— Да, это коварство,—охотно соглашался Карлъ.

— И Англія за это должна сильно поплатиться.

— Вѣдь это значитъ, что мы имѣемъ противъ себя пять державъ: Россію, Сербію, Францію, Англію и Бельгію... О-о!

— И Черногорію— добавилъ меланхолично желтый поручикъ.—Да имѣйте въ виду еще, что нашъ союзникъ Италія подъ большимъ сомнѣніемъ,—добавилъ онъ многозначительно.

— Что вы хотите этимъ сказать, поручикъ?—впиваясь глазами въ желтое лицо своего собесѣдника, дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Фрицъ.

— Да то лишь, что извѣстно всѣмъ и каждому, кромѣ васъ,—съ язвительной колкостью отвѣтилъ тотъ.

— Капитанъ Дорфмейеръ!—позвалъ Фрицъ проходившаго мимо Дорфмейера такимъ отчаяннымъ голосомъ, что капитанъ невольно остановился и поглядѣлъ недоумѣвающе на Фрица.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

Фрицъ спросилъ его объ Италіи.

ГОРИЧЕСКАЯ

Дорфмейеръ, вмѣсто отвѣта, только сунулъ молча въ руки Фрицу № „Берл. Ежедн.,“ повернулся съ недовольною миною и пошелъ далѣе. Гольдштейнъ подалъ газету Фишману. Но Карлъ не сталъ и читать, проговоривъ негодующе:

— Такъ! Вскорѣ мы, пожалуй, окажемся одни противъ всей Европы...

Шли дни за днями; а успѣха германскаго оружія все еще не было. Фрицъ за это время спустилъ большую половину самонадѣянности и презрѣнія къ врагу; сталъ золъ еще болѣе, но срывать злобу ему рѣдко удавалось, и то на однихъ раненыхъ плѣнныхъ; это занятіе очень мало льстило его самолюбію. Непобѣдимость германской арміи теперь не была болѣе для него аксіомой. И только извѣстія съ восточнаго театра войны и поддерживали въ немъ и Карлѣ бодрость духа; а съ восточнаго театра газеты каждый день приносили извѣстія по крайней мѣрѣ объ одной или двухъ „побѣдахъ.“ И если бы вѣрить всѣмъ этимъ„ побѣдамъ“ да подвести имъ итогъ, то получилось бы, что арміи противника давнымъ-давно уничтожены, а сами нѣмцы дошли до Урала, перевалили черезъ него и теперь „чешутъ“ не то къ Иркутску, не то къ Читѣ.

— Вотъ гдѣ работаютъ-то, Карлъ, такъ работаютъ! А мы здѣсь что—киснемъ!

— Если бы мы, Фрицъ, были на востокѣ, то я готовъ держать пари, не разъ отличились бы!

— Надо проситься туда хоть теперь.

— Ты думаешь?

— Не думаю, а считаю это единственнымъ выходомъ. Не поѣхать туда, оставаться и прозябать здѣсь,—значитъ обрекать себя на забвеніе. Тамъ, на востокѣ, и только тамъ, насъ ждетъ успѣхъ!

— И еще, ты то, Фрицъ, замѣть: вѣдь тамъ, въ восточной Пруссіи, наши родные очаги, и намъ можно будетъ ихъ посѣтить.

На этотъ разъ счастье улыбнулось и Карлу и Фрицу. Кайзеръ, не видя, какъ и они, никакого успѣха на западѣ, рѣшилъ попытать счастья на востокѣ, и перебросилъ нѣкоторыя части, вмѣстѣ съ Фрицемъ и Карломъ, съ запада на востокъ.

Съ еще большимъ нетерпѣніемъ, почти съ радостью неслись изъ этой скверной Бельгіи доблестные марсы туда въ Польшу. И въ самомъ дѣлѣ, какъ и не радоваться было имъ. Тамъ, въ Бельгіи, имъ никакъ не хотѣли дать пройти безпрепятственно на французскую территорію и взять Парижъ; все толкали ихъ на дорогу черезъ Вогезы. И Фрицъ и Карлъ не хуже генеральнаго штаба знали эту дорогу черезъ Вогезы; но они предпочитали ей направленіе черезъ Люксембургъ и Бельгію. Не то въ Польшѣ; тамъ нѣтъ Вогезъ, нѣтъ и упрямыхъ бельгійцевъ, которымъ кайзеръ, въ порывѣ великодушія обѣщалъ даже часть своихъ будущихъ завоеваній за пропускъ; все напрасно—упрямцы уперлись на своемъ: идите на Вогезы, тамъ вамъ путь лежитъ, тамъ дорога и прямѣе и короче. А насчетъ вашихъ обѣщаній, почтеннѣйшій, я вамъ скажу, что вы хотите купить мою совѣсть, честь и все самое дорогое для человѣка за клочекъ уха медвѣдя, котораго не убили и, я увѣренъ, не убить вамъ никогда!

Тамъ, въ Польшѣ, совсѣмъ другое дѣло, тамъ и Карлъ Фишманъ и Фрицъ Гольдштейнъ—желанные гости. Поляки ихъ ждутъ-не дождутся и встрѣтятъ съ распростертыми объятіями: приходите и завоевывайте. А русскіе... да развѣ могутъ русскіе собаки противостоять доблестной германской арміи! Они умѣютъ только пьянствовать...

И снова, сидя въ вагонѣ, Фрицъ и Карлъ предвкушали, какъ и дорогою въ Бельгію, всю прелесть побѣднаго шествія по завоеваннымъ областямъ.

— По пріѣздѣ въ Эйдкуненъ, Карлъ, мы возьмемъ дня на три отпускъ и побываемъ у себя.

Зачѣмъ же ѣхать до Эйдкупена, когда ближе къ намъ сойти на станцію не доѣзжая. По мнѣ лучше сойти въ Инстербургѣ.

Или не лучше ли ѣхать до мѣста назначенія... быть можетъ, это будетъ Варшава...

Карлъ согласился съ этимъ, и они доѣхали безостановочно до Бромберга. Здѣсь имъ пришлось нѣсколько разочароваться: поѣздъ не шелъ далѣе.

— Почему?—спрашивали недоумѣвающіе будущіе герои.

Но въ отвѣтъ имъ были только мрачные, злые молчаливые взгляды вопрошаемыхъ. И когда имъ удалось наконецъ встрѣтить человѣка, у котораго озлобленіе противъ варваровъ русскихъ, въ противоположность всѣмъ другимъ, вылилось въ форму говорливости, даже излишней болтливости,—то они узнали отъ него, что дальше поѣздъ ихъ не можетъ пройти по той простой причинѣ, что къ востоку отъ Бромберга всюду русскія войска.

— Но какъ же газеты?.. наши, берлинскія газеты?..

— Сами фабрикуютъ эти побѣды, о которыхъ вы слышали тамъ, въ Бельгіи.

Фрицъ Гольдштейнъ и Карлъ Фишманъ такъ и обратились въ одно мгновеніе въ изваянія и неподвижные стояли, смотрѣли другъ другу въ глаза и, казалось, не узнавали сами себя. Ни малѣйшаго проблеска мысли не было замѣтно въ ихъ неподвижныхъ, застывшихъ глазахъ. И они долго бы, вѣроятно, стояли еще такъ, когда бъ не вывелъ ихъ изъ состоянія столбняка говорливый человѣкъ вопросомъ:

— Вы, можетъ быть, желали бы знать правду вообще о положеніи дѣлъ на восточномъ фронтѣ?

— Ну!—рявкнулъ вдругъ на него Фрицъ такъ, что тотъ невольно попятился.—Говори, обезьяна, или...

— Но вы, господинъ офицеръ, въ такомъ настроеніи...

— Ничего, ничего, говори,—понизивъ вдругъ тонъ мягко сказалъ Фрицъ, довольный, что хоть на этого пустого болтуна да нагналъ страху.—Скажи: Инстербургъ въ рукахъ русскихъ?

— Къ сожалѣнію, г. поручикъ, да....

— Что ты на это скажешь, Карлъ?

— Ничего, кромѣ того, что и мое имѣніе...

— Имѣніе твоего отца,—поправилъ Фрицъ.

— Не придирайся пожалуйста къ словамъ... Я говорю, что оно тоже въ рукахъ русскихъ...

— И они хозяйничаютъ тамъ по-своему... Тоже самое и у меня... Посѣти теперь родной домъ...

— Медлить некогда. Я сію минуту ѣду туда!..

— Куда? Въ имѣніе? Какъ же ты въ него попадешь?

Но они все же отправились въ штабъ, въ надеждѣ получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія.

Адъютантъ подтвердилъ слова болтливаго субъекта, добавивъ съ усмѣшкой:

— Попробуйте проникнуть, отправясь на развѣдки.

Но на такой рискованный шагъ, какой предлагалъ адъютантъ, отважится развѣ только сумасшедшій; а Фрицъ Гольдштейнъ и Карлъ Фишманъ люди умные, разсудительные, и рисковать своею жизнью не согласны ни для какой цѣли. Взглянувъ лишь довольно недвусмысленно въ глаза адъютанту, они повернулись, звякнули шпорами и—направились въ биргалку. Соскучившись за время пребыванія въ этой варварской Бельгіи по добромъ нѣмецкомъ пивѣ и объ Амальхенъ, естественно было теперь воздать имъ должное. О, какъ привѣтливо встрѣтили ихъ и биргалка, и Амальхенъ, и бурно пѣнившееся доброе нѣмецкое пиво!

Съ наслажденіемъ потягивая изъ тяжелыхъ, массивныхъ кружекъ пиво, Фрицъ и Карлъ забывали свою досаду на постигшія ихъ неудачи и даже то, что ихъ имѣнія во власти русскихъ, и, отдаваясь пріятному чувству отдыха, лѣниво прислушивались къ разговорамъ посѣтителей биргалки. До ихъ слуха не разъ долетѣли слова: „Японія“, „ультиматумъ“... но ни Фрицъ, ни Карлъ не имѣли охоты вслушаться и понять, о чемъ рѣчь.

— Знаешь, Фрицъ, какая прекрасная мысль мнѣ въ голову пришла. Японія въ 1904 году большихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній отъ Россіи не получила. Теперь, когда всѣ русскія силы стянуты сюда, на западъ, ей очень легко закончить то, что начато въ 1904 году. Я думаю, она не преминетъ это сдѣлать? А? Какъ по-твоему?

— По моему, нашей печати не худо подсказать ей это, если она сама не догадывается. И это намъ сослужитъ большую службу.

— Ты слышишь, упоминаютъ ее всѣ въ разговорѣ, и слово ультиматумъ. Держу пари, что безъ подсказыванія она уже дѣлаетъ свое дѣло.

— И какъ это было бы прекрасно; мы съ запада, Японія съ востока... Это было бы безподобно!

— Надо посмотрѣть газету, хоть ты ихъ и не жалуешь.. Можетъ быть, мы стучимся въ открытую дверь.

— О, о томъ, какъ японцы расправляются со своимъ сосѣдомъ съ запада, я самъ охотно прочитаю!

И чтобы доказать это, Фрицъ взялъ съ сосѣдняго столика № „Фосс. Газеты“ и подалъ Карлу. Карлъ пробѣжалъ глазами двѣ-три рубрики и съ негодованіемъ швырнулъ газету на полъ.

— Въ чемъ дѣло?—испуганно спросилъ Фрицъ.

— Эта азіатская страна какъ была, такъ и осталась дикою!.. Предъявила ультиматумъ... Германіи... И ультиматумъ дерзкій, наглый...

— Этого не можетъ быть. Это—утка... никогда этому не повѣрю!..

— Нѣтъ, другъ мой Фрицъ, это не утка, а фактъ.

— А я говорю—утка! Не спорь напрасно.

— Но изъ офиціальныхъ источниковъ...

— И все-таки утка! Утка и утка...

— Послѣднія извѣстія! Японія объявила войну!—надъ самымъ ухомъ Фрица прокричалъ пискливо мальчикъ-газетчикъ.

Фрицъ такъ и присѣлъ, точно этотъ мальчикъ-газетчикъ ударилъ его по головѣ чѣмъ-то очень тяжелымъ.

— Недоставало только, чтобы Америка еще объявила намъ войну!—вскричалъ съ негодованіемъ Карлъ.—Вѣдь это уже чортъ знаетъ что! Полъ-міра противъ насъ...

— Чтожъ изъ того!—обозлился Фрицъ.

— Да то лишь, что положеніе наше не изъ блестящихъ.

— Знаю, что не изъ блестящихъ. И ты и я рвались впередъ, чтобы бить, но быть битыми, это уже мое почтеніе!

— Пожертвовать собой такъ, за здорово живешь, у меня нѣтъ ни капли желанія. Я предпочту, въ случаѣ чего, плѣнъ смерти.

Но, Карлъ, попасть въ плѣнъ къ варварамъ русскимъ—это та же смерть, да еще мучительная... У нихъ эти изверги, казаки...

— Рушатся, Фрицъ, планы генеральнаго штаба, созданія великаго канцлера и наши мечты... Не на что намъ опереться...

— Однако, какъ же намъ быть? Вѣдь и твое положеніе, Карлъ, и мое отчаянное! Наши имѣнія въ рукахъ русскихъ, и мы даже взглянуть на нихъ лишены возможности...

— И прежде всего мы—нищіе, Фрицъ... Будь они прокляты, кто началъ эту войну!—поникъ безнадежно головой Карлъ и даже пиво забылъ.

Въ это время ихъ потребовали въ штабъ. Адъютантъ подстроилъ-таки имъ порученіе произвести развѣдку. Злые, мрачные, подавленные, покинули они биргалку.

Была довольно темная ночь, изрѣдка побрызгивалъ дождь, когда Фрицъ Гольдштейнъ и Карлъ Фишманъ во главѣ маленькаго отряда двинулись въ путь. У того и дру-

гого было сильное желаніе взглянуть на свои родныя гнѣзда, но надежды не было никакой. Пугала ихъ и возможность встрѣчи съ казаками, отъ которыхъ нечего было ждать пощады.

Въ первую ночь они удалились отъ штаба верстъ на 10—12, не болѣе, по мѣстности, гдѣ нельзя было ожидать русскихъ, и остановились на отдыхъ въ покинутой жителями деревнѣ. Фрицъ и Карлъ шли нехотя; распоряженія отдавали вяло, предоставляя солдатамъ заботиться самимъ о себѣ. Тѣ ихъ апатію понимали, какъ доказательство, что имъ не грозитъ никакая опасность. Выставивъ часового, они обшарили чуланы, кладовыя и погреба и расположились кто гдѣ успѣлъ на отдыхъ. Фрицъ и Карлъ, присѣвъ на ступеньки лѣстницы, ведшей на чердакъ крайняго дома, принялись обсуждать свое положеніе. Мало отраднаго было въ ихъ разсужденіяхъ; полною безнадежностью звучали ихъ слова, и скоро доблестные и храбрые защитники кайзера и фатерланда, истощивъ всѣ доводы, которыми пробовали было поддержать въ себѣ бодрость духа, поникли головами и задумались.

Сколько времени прошло въ молчаніи, они не замѣтили, не слышали они и шаговъ подошедшаго къ нимъ вплотную русскаго развѣдочнаго отряда и очнулись только тогда, когда услышали строгое:

— Ни съ мѣста! Сложите ваше оружіе.

Какъ ужаленные вскочили Фрицъ и Карлъ и замерли какъ вкопанные, поблѣднѣвъ отъ страха. Съ торопливостью людей, готовыхъ исполнить все, что имъ прикажутъ, они положили свое оружіе къ ногамъ русскаго унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся и застыли въ ожиданіи.

Отдавъ кое-какія приказанія вполголоса командѣ, ун-

теръ-офицеръ далъ знакъ двинуться въ обратный путь. Впереди шли Фрицъ и Карлъ между двумя конвоирами; третій конвоиръ шелъ слѣдомъ за ними. Старшій съ командою замыкали шествіе. Такъ какъ никто изъ солдатъ отряда поручиковъ Фрица и Карла ничѣмъ не обнаружили своего присутствія, а часовой, замѣтивъ русскихъ слишкомъ поздно, просто счелъ за лучшее спрятаться, то всѣ они и остались незамѣченными.

Вначалѣ оробѣвшіе плѣнные шли молча и лишь изрѣдка украдкою взглядывали на своихъ конвоировъ; но мало-по-малу они овладѣвали собой; а Карлъ, встрѣтившись взглядомъ съ взглядомъ конвоира, въ которомъ не замѣтно было ничего враждебнаго, набрался духу и улыбнулся ему заискивающе.

— Куда насъ ведутъ, Карлъ?—шепнулъ Фрицъ.

— Не знаю... и не смѣю догадываться,—также шепотомъ отвѣтилъ Карлъ и покосился на конвоира.

Конвоиры шли молча, серьезно; но въ заднихъ рядахъ перебрасывались шуточками; это почему-то вселяло въ плѣнныхъ долю бодрости; ихъ шепотъ не вызвалъ протеста, и они продолжали осторожно переговариваться.

— Карлъ, вѣдь они не знаютъ нашего языка?—высказалъ догадку Фрицъ.—Иначе я спросилъ бы, что они намѣрены дѣлать съ нами.

— Зато между собой мы можемъ говорить безпрепятственно. Неправда ли?

— Да... Не поймутъ ли они, если я спрошу по-польски. Польскій языкъ я немного знаю.

— Попробуй въ самомъ дѣлѣ!—отозвался Карлъ.

Фрицъ попробовалъ, но получилъ въ отвѣтъ лаконическое: „увидишь“.

Но это великорусское „увидишь“ было совсѣмъ непонятно Фрицу; но оно не показалось ему, однако, и страшнымъ. Онъ передалъ это Карлу, добавивъ:

— По-моему, русскіе совсѣмъ не такіе ужасные, какъ мы ихъ себѣ представляемъ...

— Да; но оставятъ ли насъ живыми—вопросъ. Вѣдь не могутъ они не знать, какъ у насъ обращаются съ русскими.

— Мы не могли же тогда думать, что попадемъ такъ глупо имъ въ руки.

— А говоря по совѣсти, самая жестокая кара будетъ только справедливою расплатой за все то, что мы дѣлали съ русскими...

— А вы по-звѣрски расправлялись съ ними?—спросилъ ихъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ унтеръ-офицеръ.

Если бы надъ головами Фрица и Карла разорвалась вдругъ съ адскимъ грохотомъ шрапнель, она не ошеломила бы ихъ такъ, какъ этотъ вопросъ. У обоихъ разомъ мелькнула мысль: „все кончено“!.. И похолодѣлые, безмолвные они почувствовали что у нихъ подкашиваются сами собой ноги.

— Что же вы онѣмѣли? Не пугайтесь—засмѣялся унтеръ-офицеръ.—Мы, русскіе безоружныхъ не убиваемъ, не тронемъ и васъ.

Но пораженные Карлъ и Фрицъ все еще никакъ не могли прійти въ себя и не вѣрили, что ихъ не разстрѣляютъ.

— Но о томъ, что вы сознались въ своихъ жестокостяхъ, я, конечно, доложу командиру роты,—добавилъ унтеръ-офицеръ.

— О, тогда намъ не будетъ пощады!—отчаянно вскричалъ Фрицъ.

— А нельзя ли не докладывать?—съ наивною вкрадчивостью сказалъ Карлъ, молящими глазами глядя на вольноопредѣляющагося.

— Ну, не говорите глупости!—строго остановилъ тотъ. —Русскіе воюютъ съ войсками, а не съ безоружными людьми.

Развѣдчики, между тѣмъ, подошли со своей добычей къ бивуаку. Старшій отправился съ докладомъ къ ротному командиру. Фрицъ и Карлъ остались съ конвойными. Они пугливо озирались по сторонамъ, на проходившихъ по всевозможнымъ направленіямъ солдатъ, изъ которыхъ одни, занятые своимъ дѣломъ, не обращали на нихъ никакого вниманія, другіе на минутку задерживались около плѣнныхъ, оглядывали ихъ, дѣлали непонятныя Фрицу и Карлу замѣчанія и проходили далѣе. Но ни одного недружелюбнаго жеста слова или взгляда, и у плѣнныхъ страхъ понемногу уступалъ мѣсто надеждѣ. Минутъ 10 спустя плѣнныхъ ввели къ командиру роты. Не безъ страха предстали Фрицъ и Карлъ передъ русскимъ капитаномъ, который кивнулъ головой въ отвѣтъ на ихъ низкіе, раболѣпные поклоны. Не встрѣчавшіе раньше русскихъ офицеровъ, Фрицъ и Карлъ, вѣроятно, ожидали встрѣтить нѣчто страшное, злое, свирѣпое; и какъ же они были удивлены, увидѣвъ простое русское лицо, съ добродушною улыбкою, мягко, даже какъ будто ласково, глядѣвшіе на нихъ изъ-за золотыхъ очковъ глаза—такіе глаза, что бываютъ только у очень добрыхъ дѣтскихъ врачей.

Капитанъ спросилъ ихъ, понимаютъ ли они по-русски; получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ спросилъ:

— Ну а по-французски? Тоже не можете? Плохо, плохо...

Нельзя надѣяться на то, что всѣ и вездѣ будутъ знать вашъ языкъ для того, чтобы вы не затруднялись. Или вы и не думали никогда быть въ Россіи?

— О, да, да! Мы, г. капитанъ, не участвовали ни въ одномъ дѣлѣ противъ храбрыхъ русскихъ войскъ; только-что прибыли изъ Бельгіи,—предупредительно докладывалъ Фрицъ.

— И много васъ переведено сюда изъ Бельгіи?

Фрицъ посмотрѣлъ вопросительно въ глаза Карлу; тотъ отрицательно пожалъ плечами. Оказывалось, они ровно ничего не знали.

— Такъ...

— Г. капитанъ, насъ мучаетъ неизвѣстность; будемъ мы пощажены или нѣтъ...— спросилъ Фрицъ дрогнувшимъ голосомъ.

Капитанъ разсмѣялся; но тутъ же, ставъ серьезнымъ, сказалъ:

— Откуда только у васъ берутся эти нелѣпыя подозрѣнія! Необходимость вынуждаетъ насъ стрѣлять по непріятелю, но и въ бою мы имѣемъ одну цѣль—вывести у противника возможно больше людей изъ строя, но безоружныхъ не убиваемъ. Разъ, вы какъ плѣнные, не можете намъ вредить, зачѣмъ же васъ убивать!

— Но г. капитанъ, мы имѣли неосторожность проговориться вслухъ при вашемъ унтеръ-офицерѣ о своихъ грубостяхъ и притѣсненіяхъ въ отношеніи русскихъ...

— И теперь опасаетесь мести со стороны русскихъ?— снова разсмѣялся капитанъ, но въ его смѣхѣ на этотъ разъ прозвучала нотка нескрываемаго презрѣнія.—Низкое чувство мести еще болѣе чуждо намъ,—сказалъ онъ съ достоинствомъ.

— Конечно, вашимъ нѣмецкимъ звѣрствамъ ведется точная регистрація и по окончаніи войны за всѣ ихъ должна будетъ дать отчетъ Германія, а съ вами лично пусть ужъ считается ваше начальство.., Ну, я васъ не держу болѣе; можете идти Совѣтую вамъ тамъ, куда васъ водворятъ на время войны вести себя скромно, благопристойно; тогда и съ вами будутъ обращаться хорошо. Идите.

Фрицъ и Карлъ, отвѣшивая поклоны капитану, буквально выпятились, а не вышли отъ него вонъ. Они были словно въ какомъ-то чаду и сами себя не понимали, такъ все—и самъ капитанъ, и то, что онъ имъ говорилъ, и прощеніе имъ ихъ звѣрствъ, изумляло и поражало ихъ.

Конвойные отвели ихъ на желѣзнодорожую станцію и посадили въ вагонъ. Поѣздъ вскорѣ тронулся и повезъ ихъ туда, куда они мечтали попасть побѣдителями, а пока... ихъ везли плѣнными.

— Карлъ! Я только теперь начинаю вѣрить, что мы останемся живы!—оживленно заговорилъ Фрицъ дорогою и поглядѣлъ съ радостною улыбкою въ лицо конвойнаго.

— Я никакъ этого не ожидалъ! А какой добрый и симпатичный капитанъ!

И оживленные и радостные, они готовы были говорить безъ конца.

Одинъ изъ ихъ сосѣдей пассажировъ, знавшій нѣмецкій языкъ, охотно вступилъ съ ними въ разговоръ.

— Вотъ въ печати съ самого начала войны встрѣчаются извѣстія о жестокостяхъ, которымъ подвергаются иностранцы въ Германіи; это всѣмъ, не видавшимъ ничего подоб-

наго, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ. Не можете ли вы сказать, правда это или нѣтъ? И если правда, то чѣмъ объясняется такое невѣроятное явленіе?

И Фрицъ и Карлъ должны были сознаться, что извѣстія эти правдивы, но отъ дальнѣйшихъ объясненій отказались за полнѣйшимъ незнаніемъ причинъ этихъ явленій.

— Вѣдь до сихъ поръ ни у кого не было и быть не могло сомнѣнія въ томъ, что германцы—одна изъ культурнѣйшихъ народностей въ мірѣ; и вдругъ эти самые германцы оказываются способными на такія неслыханныя вещи, которыя мыслимы развѣ только у бушменъ или готтентотовъ! Съ одной стороны приходится все болѣе и болѣе убѣждаться въ безспорности звѣрствъ; а съ другой стороны, никакъ нехочется вѣрить, что нѣмцы на нихъ способны! Вамъ ближе все это; можетъ быть вы могли бы хоть немного пролить свѣтъ на это противорѣчіе?

Но въ отвѣтъ на это Фрицъ и Карлъ пожимали плечами, вопросительно смотрѣли другъ на друга, растерянно улыбались и—ничего не могли сказать.

— И это тѣмъ болѣе непонятно, точнѣе, прямо парадоксально, что германцы вообще далеко не бездарный, не отсталый народъ, доказательствомъ чему служитъ хотя бы тотъ фактъ, что Германія дала цѣлый рядъ выдающихся людей въ наукахъ, искусствахъ, философіи, каковы: Кантъ, Гегель, Лейбницъ, Гете, Шиллеръ, Вагнеръ, Вирховъ и др.

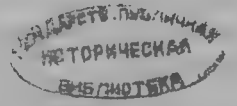
Пока собесѣдникъ перечислялъ имена выдающихся людей, Карлъ и Фрицъ нѣсколько разъ недоумѣвающе вопро-

сительно взглядывали другъ на друга, какъ бы говоря: „А кто такіе всѣ эти господа?“

Вѣдь и вамъ конечно, извѣстны эти извѣстные всему культурному человѣчеству имена? И вы, какъ и другіе европейцы, чтите ихъ память?

Но и Фрицъ и Карлъ должны были сознаться, что имена Канта и Лейбница имъ вовсе неизвѣстны, имена остальныхъ они слыхали, но больше имъ ничего неизвѣстно.

„Да, эти поручики по части культуры отъ азбуки не очень далеко ушли... подумалъ разочарованно ихъ спутникъ и, пересѣвъ на другое мѣсто, погрузился въ газету.



1914